

Анатолій
Ланітєв

ЧЕТВЕРТАЯ ОХОТА

ИЛИ SALPINGOTUS CRASSIKAUDA
(Миникроки бывшего кинодокументалиста)

«Nulla dies sine linea».

Plinius

Такое вот, несколько, на первый взгляд, претенциозное название я взял для этого опуса, но оно определённо, теперь уже на мой, конкретный взгляд, как нельзя лучше соответствует заявленной теме.

Нет, конечно же, речь в этом, несмотря употребленное в анонсе слово «мини», довольно-таки, пространным творении, пойдёт не о сицилийской мафии, крутом корсиканце или там знойном испанском мачо, большом охотнике до «слабого полу», этаким Казанове, и не о некой казуистической зауми из подзабытой латыни, а всего лишь о некоторых, выходящих за рамки обыденного, перипетиях и отдельных издержках производственного и немного частного характера, которые, в конце прошлого столетия, произошли непосредственно со мной (тогда еще успешно действующего кинодокументалиста и даже в кошмарных снах не помышляющего о грядущем приговоре, обозначенном аббревиатурой – Б/У), а также со съёмочной группой Усть-Каменогорской студии телевидения на бесконечно огромных пространных Восточного Казахстана в самых его, в природном отношении, уникальных, заповедных уголках. И... не только там.

Полагаю, (очень надеюсь), что какие-то из неординарных этих событий вызовут определённый интерес и, даже, просто элементарное человеческое любопытство у той части народонаселения, коему не безразличен наш край с его неповторимыми красотами, у тех, кто имеет причастность к искусству, литературе и, в целом, у неравнодушного читателя.

А начиналось все так... Однажды Павел Иванович Бортник – (главный редактор тогдашней УКТВ), уважаемый и творчески весьма продвинутый человек, всегда, «до не могу», переполненный «планов громадьём» и самыми невероятными, зачастую абсолютно неосуществимыми идеями, в очередной раз напряг своих коллег, поведав на расширенной студийной планёрке об одном маркшейдере Зы-

ряновского РОРа (рудник открытых работ). Надо сказать, что сделал это оратор довольно обстоятельно и душевно, не жалея красок. Он, этот самый объект его восхищения, далеко не гуманитарий по профессии, успешно совмещал основную работу горного инженера со своеобразным хобби – фотографированием дикой природы и её обитателей. Причём, в последнем Александр Лухтанов (так звали, как затем оказалось, главное действующее лицо нашего будущего, совместного с П. Бортником, фильма – родоначальника моих последующих достижений на телевизионной ниве) здорово преуспел, добившись на этом, далеко непросто, поприще более чем значительных успехов. Куча престижных дипломов с республиканских и международных фотоконкурсов, многочисленные публикации в самых популярных (в том числе и зарубежных) журналах и даже размещение отдельных, наиболее оригинальных в творческом и научно-познавательном отношении фоторабот в солидных профессиональных изданиях и энциклопедических справочниках. Одним словом, уникам, истинный самородок, взращенный щедрой рудноалтайской землёй. В заключение своего пространного монолога Бортник безапелляционно резюмировал: «Будем снимать!..».

Нашего брата, истинных флибустьеров от кино, кормят, помимо прочего всего, как и волка, ноги. Поэтому, когда мне было предложено посоучаствовать в намечающемся проекте в качестве оператора, а по совместительству (вот удача-то!) ещё и режиссёром-постановщиком (так сказать, порулить), я, делающий лишь самые первые, пока ещё не очень уверенные шажки в постижении этой наиболее престижной и ответственной творческой профессии, был несказанно польщен и, конечно же, сразу согласился. Тем более, что за написание литературного сценария к будущему фильму и курирование всего съёмочного процесса брался сам инициатор идеи и, что особенно мне импонировало, не последнее лицо в иерархической обойме слугителей музыки (Молоха) голубого экрана.

Понаблюдать-«поохотится» с кинокамерой, причем не с какой-то там полупрофессиональной, узкоплёночной, типа СП-16, техникой, а с оснащённым дополнительной длиннофокусной оптикой «Конвасом» – дорогостоящим аппаратом, доверенным мне впервые, (специально для любознательных – очень тогда популярная у профессионалов хроникёрская камера конструкции Константина Васильева, снимающая на широкую, 35-ти миллиметровую киноплёнку), за фотографом-любителем, активно, в свободное от маркшейдерских дел время дефилирующим по необъятным восточно-казахстанским просторам в поисках оригинальных, заслуживающих внимания большого мастера, сюжетов, – многого стоит.

«...Охота пуще неволи», – и этим сказано более чем достаточно. Ну, а вот охота охоте – рознь. В знойном Африканском сафари охотятся на слонов, у нас – в морозец, по пороше, на зайцев. Есть грибная охота, охота за звуками, запахами, ещё там какая-то. Взятая же нами в разработку тема фотоохоты в этой классификации занимает хоть и не призовое, но почётное четвёртое место. И мы, славный съёмочный коллектив устькаменогорских телевизионщиков, облеченные доверием высокого начальства, должны будем, используя весь свой творческий запал, всю палитру художественных средств и технических приёмов, в том числе и пресловутый метод кино-наблюдения скрытой камерой, попытаться в яркой, увлекательной и удобоваримой форме поведать обо всех нюансах творческой лаборатории нашего героя и коллеги по светописии (кино, как известно, это всего лишь движущиеся фотографии). Ну и за одно поснимать девственную красоту дикой природы и уникальный

животный мир, в век тотального прогресса сохранивший свою первозданность лишь в наиболее труднодоступных, сокровенных местах Рудного Алтая или второй Швейцарии, как иногда любят местные журналисты называть юго-восточную часть региона. Есть еще один топоним, которым пользуется высокообразованная и продвинутая публика, обзывая Восточный Казахстан за его необычное, уникальнейшее географическое положение – «Седьмым континентом». В подтверждение правомочности этой кликухи – многочисленные письменные свидетельства именитых учёных-первопроходцев. Здесь, буквально в радиусе каких-то 100–150-ти километров, можно встретить чуть ли не все существующие на Евразийском пространстве природно-ландшафтные зоны. Начиная от мощных ледников хребтов Южный Алтай, Тарбагатай, Саур с их высокогорными, заросшими мшаниками тундр, плато, до неспешно кочующих по пескам пустынной части Зайсанской котловины поющих барханов. Ну и, естественно, в соответствии с этим географическим делением, произрастающие там разновидности деревьев вперемежку с травушкой-муравушкой и, конечно же, непуганая дикая живность, беспечно летающая и бегающая по ним. Подножного корма вокруг не меряно, поэтому здесь, наряду с наиболее распространёнными, ординарными особями животного мира, можно встретить и редчайших эндемиков, и занесённых в Красную Книгу, элитных представителей исчезающих видов флоры и фауны Зелёной планеты.

«Были сборы недолги... – и далее, по тексту, – мы коней собирали в поход!» Таким бодрящим, настраивающим на боевой лад, слоганом, правильнее сказать, наверно, девизом из популярнейшего «шлягера» 30-х годов, я обозначил для себя подготовку кино-экспедиции к затяжному, таящему определённую опасность прыжку в манящую неизвестность. Ну, а вот нести нас по городам и весям с призывно посвистывающим в ушах ветерком будут, увы, не верные скакуны из крови и плоти, а стальные, у которых, ссылаясь опять же на песенный репертуар постреволюционного периода, «...вместо сердца, пламенный мотор». Забегая вперёд, скажу, что как-то однажды, во время не вовремя свалившейся на мою неразумную голову дорожной передраги, явно спровоцированной, в силу ряда обстоятельств, а потому и вполне ожидаемой, я, не найдя общий язык с одной из таких неодушевлённых железяк, жестоко за это поплатился.

Но поподробнее об этом незапланированном трюке, почти сальто-мортале с запредельными, на грани невозможного, элементами высшего пилотажа, взятыми из арсенала неувядающего циркового искусства, чуть позже.

Итак, поехали, помолясь... Выпытав у прикреплённого к съёмочной группе научного консультанта и поводыря Бориса Щербакова (биолога-натуралиста по профессии и непримиримого защитника ранимого мира дикой природы – по зову души), сведения о наиболее характерных и привлекательных уголках нашей необъятной, равной по территории отдельным европейским государствам области, а также о раритетных «краснокнижниках», населяющих её, я начал активно погружаться в материал. Здорово мне помог в этом сигнальный экземпляр только что изданной в Алма-Ате книги Б.В. Щербакова, значительно сократив сроки довольно трудоёмкого и очень затратного по времени занятия. Большой знаток нетронутой природы «Седьмого континента» и его диких обитателей – «братьев наших меньших» (почти Бианки или Зверев, а то и бери выше, – казахстанский Брем), он детализировано, в нюансах, а главное популярно и образно, поведал о многих скрытых от неопытного глаза прелюбопытных повадках животных, осо-

бенно тех, кто ведёт ночной образ жизни. Даже затронул малоизученную тему о механизме, складе их («братьев меньших»), пусть примитивного, но, тем не менее, осознанного и, соответственно, адекватного восприятия происходящего, то есть о том, что у людской популяции называется мышлением. Простудировав всё от корки до корки, я засим вплотную впрягся в скучную, но необходимую для дела рутинную работу.

В первую очередь наметил объекты будущих съёмок, разбив по крохотным почти микро-эпизодам сюжетную канву кино-действия, во-вторых, сумел довольно споро утвердить на студийном худсовете режиссёрский сценарий, а заодно и операторскую экспликацию, в-третьих... Что же – в-третьих? Да, вспомнил! Электростанция. Передвижная. (Телецентр её буквально на днях приобрел для собственных хознужд). Совершенно новенькая, в отливающих червонным золотом медяшках и с кучей никелированных причиндалов, она тут же сразила меня наповал. Вот оно везение! Самое то для воплощения моей давней идеи-фикс – поснимать загадочный мир дикой природы, сокрытый плотной пеленой ночи, когда, как помните, все кошки серы. Давно замечено, что многие из животных начинают вести свое полнокровное, активное сосуществование именно с наступлением темноты. Особенно это характерно для *salpingotes crasicauda* (латинское название карликового тушканчика, вынесенного в подзаголовок), о котором нам захлёб, поведали поначалу наш экзальтированный шеф-редактор, а затем и писатель-натуралист. Размером чуть крупнее большого пальца руки, этот редкий и довольно скрытный обитатель спасительных зелёных островков, разбросанных по периметру пустынной части Прииртышья, был обнаружен лишь в середине прошлого столетия, и пытаться искать его биографические, метрические и прочие данные в многотомном издании знаменитого Брема – тщетно. Так что наша сверхзадача и даже, если хотите, почётная миссия первооткрывателей заключалась, помимо того, чтобы суметь найти, выследить (в этом я был абсолютно уверен), а затем и поэтапно запечатлеть на киноплёнке жизнь этого таинственного миниатюрного незнакомца в привычной для него среде обитания, ещё и в научной ценности предлагаемой авторами киноверсии. Она, по моему разумению и исполнению, должна была не только наиболее полно и доказательно отображать всю подноготную длиннохвостого эндемика, но ещё и соответствовать всем, что называется, канонам науки и её жёстким требованиям. Теперь, уже по прошествии полувека, смею с уверенностью констатировать, что со всеми этими задачами-незадачами нам вполне удалось справиться. В фильме «Четвёртая охота» есть достаточное количество уникальных эксклюзивных кадров, характеризующих объёмно, с разных сторон, непростой нрав и повадки животных. Вот лишь несколько убедительных примеров: эпизод драки не на жизнь, а на смерть двух задиристых самцов, или же снятое крупным планом, в деталях зрелище, от которого «кровь стынет в жилах». В нём одна из довольно мирно, на первый взгляд, настроенных и симпатичных крохотуль расправляется со стрекозой, по величине в полтора раза превосходящей агрессора. И даже ещё такой вот смешной «экшн», в котором карликовый тушканчик, чем-то смахивающий на кенгурёнка, позволяет мне лично разглядеть его роскошные усы. Эта курьезная сценка также нашла свою прописку в ленте, не только украсив её, но и обогатив наши познания о таинственном, запредельном мире наших «братьев меньших».

Итак, экипировавшись до зубов, включая передвижную электростанцию в комплекте с осветительными приборами, которую я буквально вырвал из рук при-

жимистого начальника технической службы телецентра, и прицепив вожделенный атрибут к форкопу потрёпанного «УАЗика» 469-й модификации, мы ринулись покорять киношный Олимп. Прямым, не отклоняясь от курса, к оазису с небольшим, заросшим водной растительностью озерком, носящим символичное название – «Песчаные ворота». Пожалуй, это одно из самых фотогеничных мест расположенного на территории Самарского района Казнаковского заказника, в окрестностях которого, по нашему генеральному плану, должна проходить наиболее содержательная и трудоёмкая часть съёмок.

Путешествие наше, слава Всевышнему, вначале проходило в рабочем режиме, без каких-либо особых приключений, если не считать таковыми то, что по дороге, на одном из затяжных подъёмов, к нашей кавалькаде присоединился на выдавшей виды «Победе» Александр Лухтанов вместе со своим малолетним сыном, – тот самый фотохудожник и герой будущего блокбастера или, если хотите, вестерна, что более соответствует идеи фильма (Какая ни есть, но охота все-таки! На лицо тебе не только бескрайние степи, перемежаемые небольшими вкраплениями берёзовых колков и менисками крохотных водоёмов (алтайские прерии), но и оружие – киношный «винчестер» с телеобъективом-«прицелом»).

Так вот, про рабочий режим графика передвижения нашего импровизированного автопоезда. Вспоминая головокружительные серпантинные петли так называемой «номерной» трассы республиканского значения, перемежаемые занудными тещиными языками, а также глубокие колдобины и щербины глинистого первопутка, песчаные перемёты, коварные «батпаки» (скрытые болотистые ямы) бездорожья, у меня сводит скулы, начинаются нервный тик и ломота в суставах. Вызволять из дорожных ловушек набитое тяжелой аппаратурой транспортное средство, обременённое неподъёмным прицепом с увесистой электростанцией вдобавок – занятие, сами понимаете, не из разряда лёгких и увлекательных. «... Бабка за дедку, внучка за бабу, потянули-потянули» – ни фиги, подключаем к процессу жучку, опять облом. Надо, братцы, хорошо знать классику: без мышки – основной, в данном случае, тягловой силы положительного результата вам (нам) не достичь.

Таким вот «замечательным» образом, в терниях и трудах праведных, иногда неблагодарных, из разряда «мартышкиных», добиралась наша команда к основному театру будущих «военных» действий, то бишь киносъёмкам. Но все эти заморочки, все путевые невзгоды были делом преходящим. Да и они полностью скрашивались невероятным великолепием окружающего нас природного естества, в его всевозможных проявлениях, начиная от предрассветного мажорного пения избранных особей птичьего сообщества и заканчивая роскошным многоцветьем заката, сопровождаемого встревоженным кваканьем лягушек и протяжным уханьем болотной выпи, одной из главных ценительниц коронного блюда французской кухни.

Особенный же, ни с чем не сравнимый восторг у нас, жителей мегаполисов, большей частью взирающих на прекрасный и безграничный мир живой природы как бы из глубокого колодца, откуда небо, выражаясь фигурально, выглядит с овчинку (всё напрочь перекрыто рядами из параллелепипедов бетонных «хрущёвок» и красно-коричневых кирпичных многоэтажек), – вызывали бескрайние степные просторы с посверкивающими в лучах просыпающегося светила блюдцами мореных озёр и еле намечающиеся в синеве атмосферной дымки контуры гор. А как вам легкий душ из капель «слепого дождя», неожиданно-негаданно пролившийся

неизвестно откуда. Самый что ни на есть настоящий, природный феномен. Только вообразите – на фоне практически чистого, умытого небосклона тянутся к земле в ослепительных лучах солнца тончайшие серебряные нити живительной влаги. Ну и, конечно же, воздух! Несравненный, пьянящий воздух алтайского предгорья, пропитанный неповторимым, сногшибательным ароматом цветущих медоносов альпийского разнотравья. Да-а... И это лишь малая толика из многообразия характерных, знаковых особенностей «Седьмого континента» или, по классификации Геродота, «Четвёртого угла Ойнумены», лэйбла которого, увы, пока не найти на самых современных и подробных географических картах, но который по всем научным данным и параметрам, по перечисленным выше признакам, включая и сакральную составляющую, может со временем там вполне и оказаться, и таким быть. Мир, отдельные его постулаты и приоритеты, как известно, постоянно меняются. Итак, по порядку. Нажав до предела на «газ», мы рванули вдогонку за быстро скатывающейся к горизонту солнечной колесницей и вскоре, уже слегка подкрашенные её гаснущими багрово-красными лучами, пересекли пограничные вехи нашего искомого, разлюбезного заказника. Дорога практически исчезла, и, сбавив скорость и пыль, опытейший и достойнейший погонщик нашего киношного «каравана» повел его к месту дислокации практически на ощупь. Быстро темнело. Всё вокруг до неузнаваемости поменялось. Тропинка в никуда, еле приметная и в дневное-то время, постепенно растворилась в расплывающейся из болотин мглистой взвеси, а обступающие со всех сторон камышовые плавни, кряжистые, корявые ивы и островерхие песчаные барханы приобрели странные, я бы даже сказал, довольно устрашающие формы. Живописное полотно прямо-таки в стиле изощрённой, бьющей по нервам, сюрреалистической манере Босха, – художника, творившего в Нидерландах, страшно представить: аж в пятнадцатом веке! Усугубляли возникшую картину осколки желтушной Селены (опять вспоминаются художественные шедевры, теперь уже из славной когорты импрессионистов), пытающейся пробиться сквозь клочковатые сонмы «вечных странников», и доносящиеся откуда-то из-за кадра подозрительные звуки. Я попросил водителя высветить боковым прожектором источник шума-гама. Это было нечто! Сквозь плотные заросли остролистой осоки пробивался таинственный отсвет от многочисленных, зловеще подмигивающих оранжевых зрачков. Что за дьявольщина? Тьфу! Трижды – тьфу! Так, глядишь, недолго и заикой стать. Всё объяснило недовольное и, по-моему, даже угрожающее хрюканье потревоженного секача и повизгивание его малолетних «пяточков». Всё противостояние продолжалось секунд двадцать-тридцать, затем раздался треск ломающихся камышей, и вся честная компания, бросившись врассыпную, бесславно покинула место намечающихся боевых действий. Мне было неловко за наш тоже, в общем-то, неплохой коллектив, который своим бесцеремонным вторжением на частную территорию, да ещё вдобавок неадекватным, наподобие слона в посудной лавке, поведением явно подпортил хозяевам здешних плавней удовольствие от гастрономические утех во время их законного «ланча»... Такой вот – прелюбопытнейший камуфлет случился на финальном витке нашего многотрудного первопутка. Жаль, что всё произошло довольно быстро, и я не успел распаковать свое зачехлённое «оружие». Кадры были бы что надо.

«...Нас утро встречало рассветом» и не только... Это вам и бонус от зычно крякающих лысух (водяных курочек), приглашающих на контрольную переключку свое юное потомство, и горловое пение хора квакушек, в котором выделялся, как

и положено, свой запевала. Его-то громкоголосое, звонкое соло и разбудило нас. Так начался первый съёмочный день. Окунувшись во взмученные, отдающие сероводородом, воды озера, наполовину заросшего камышами, и раскумарившись «чефиром» с бутербродами, наша слаженная команда принялась за «правое» и, в связи с производственной необходимостью, до зарезу нужное дело. Ассистент настраивал съёмочную технику, а осветитель, вместе с консультантом, готовил для съёмки немудрёный реквизит: обглоданные коровьи мослы, отполированный до блеска дождями и ветрами лошадиный череп, ну и ещё кое-что по мелочам. Затем зарядили холостыми патронами двустволку. Снимаем-то мы скрупулёзно, строго следуя каждой строке и даже букве литературного и режиссёрского сценариев. Напоминаю еще раз, – творческая, жанровая направленность нашей «кинушки» – это полублокбастер, полувестерн, хотя и без положенных рек крови. А вот «хлопушку» с номерами дублей мы решили не использовать. Фильм, по моему разумению и хотению, хоть и обязан, по всем оценочным критериям, получиться художественным, с использованием ряда наработок, заимствованных из большого кино, тем не менее, не игровой. Поэтому повторов (дублей) делать нам не придётся. Всё – сплошная импровизация, и каждый кадр сам по себе уникален. Короче, и в общем, и в частности: «В ружьё!..» Считай, – пошли-поехали.

«Камера, мотор!». Мягко зашелестела плёнка, метр за метром раскручивая нашу незамысловатую интригу и фиксируя на целлулоидной ленте с подложкой из окиси благородного металла, все её нюансы. Массовка, к моей вящей радости, была в настроении и послушна, главный герой – тоже. Да и самоигральная природа к нам явно благоволила. Лёгкие, с проседью, облачка создавали нужный антураж, а легкий ветерок придавал статичному ландшафту необходимую «кинематографическую» динамику. Зачин явно удался, и это всем приподняло настроение. Ведь, как гласит народная мудрость, «хорошее начало – уже полдела».

Так, на одном дыхании, без сучка и задоринки, пролетел первый, очень для меня знаковый съёмочный день. Моё, как режиссёра, ни больше ни меньше, крещение. В случае удачного стечения обстоятельств ну и, соответственно, достаточно высоко-профессиональной творческой составляющей этого законнорожденного дитя, я вполне мог бы (во всяком случае, очень надеялся) представить его в качестве дипломной работы на кафедре операторского мастерства Всесоюзного государственного института кинематографии, в котором моё обучение шло к завершению.

Следующим, пожалуй, наиболее важным эпизодом «Четвёртой охоты» была сама охота, точнее отлов редкостного зверя, которого англичане называют «кенгурумаус», то есть мышинный кенгуру, о существовании которого, как я уже говорил, стало известно лишь в 30-х годах прошлого столетия. Помимо предстоящей ночной кино-сессии, было довольно любопытно выяснить, как же реликтовое животное поведет себя в дневное время. Так что следующий день был целиком посвящён подготовке к ночному «сафари». Кстати, поучаствовать в нём выразило желание высокое начальство в лице нашего куратора, прибытие которого ожидалось в ближайшее время. Подкормив движок нашей электростанции керосином и разбросав кабели к софитам, мы, с прибауткой: «...да будет свет, сказал монтер», сделали пробный запуск. Чихнув пару раз для порядка, мотор, набирая обороты, радостно заурчал. Стрелка амперметра резко качнулась вправо. Вау! Исторический момент. Пресловутые лампочки Ильича впервые, я более чем уверен, зажглись в такой непролазной глуши. Ну что ж, вроде всё на мази, всё по уму. Двигаемся дальше. В

первую очередь я обратился к участникам будущего действия, нашему, так сказать, местечковому «ареопагу» с зажигательной речью на тему о важности и нужности предстоящей работы, а также с нижайшей просьбой принять посильное участие в разработке тактики и стратегии дальнейших действий группы.

Процесс пошёл... Детально и довольно подробно, по кадрикам, расписав все предстоящие на сегодняшнюю ночь реализации, эпизоды и тщательно обозначив наиболее важные съёмочные объекты, я попросил помощников настроить киноаппаратуру и, подключив осветительные приборы, ещё раз перепроверить наиболее слабые звенья в предстоящей «военной» кампании. Кажись, всё о'кей, всё по уму. Можно объявить всему нашему многопрофильному сообществу боевую готовность первого уровня и во всеоружии, терпеливо ожидать наступления темноты, ну и, конечно же, приезда «ПэИБэ», (студийный псевдоним П.И. Бортника, главного редактора, а позже и генерального директора Усть-Каменогорского телевидения), нашего опекуна и автора сценария будущей и (на мой скромный провидческий взгляд, конечно же, лауреатской), вне всякого сомнения, замечательной ленты.

Это было нечто! Это случилось, это было, было и, увы и ах, давно быльём поросло. Вся операция по съёмке, а затем и отлову длиннохвостых особей, в основном, проходила в штатном режиме, за исключением одного эпизода, косвенным виновником которого оказался мой недавний приятель Гена (фамилии, во избежание кривотолков, могущих возникнуть после публикации, не называю, – буду использовать лишь церковно-славянское имя, данное ему родителями. Между прочим, Геннадий, в переводе с латинского, означает – благородный), напросившийся в эту экспедицию на вакантную должность «принеси-подай» (нештатного помощника). Стройный красавец эстонского замеса в модном широкополом сомбреро, обязательном «прикиде» истинных мачо, и с бархатным, многообещающим, я бы сказал, сексапильным, голосом, производил неизгладимое впечатление на многих, но в особенности на дам, причём всех возрастов, вероисповеданий и партийной принадлежности, попадавших на нашем многотрудном пути. Вдобавок, этот юный господин втихомолку крапал ещё и вирши на любовную тематику. И, надо отдать ему должное, весьма недурственные. Помнится, как-то даже лагерная пионервожатая – сверхидейная, упёртая комсомолка – не устояла перед неотразимыми чарами и недюжинным поэтическим даром этой сладкоголосой «сирены».

Так вот, несколько слов об исключении, так сказать, – незапланированном, нештатном эпизоде, несколько разнообразившим нашу деловую, довольно пресную, зашоренную бытовой неразберихой жизнь. Во время вышеназванной масштабной и разудалой заготовительной кампании, с компонентами импровизации и той самой, зачастую наказуемой инициативы, уже глубокой ночью кто-то из ретивых ловцов посадил одного из пойманных зверьков, полагаю по ошибке, в то самое, разнесчастное сомбреро, которое хозяин из-за его невероятных размеров после захода солнца оставлял у входа в своё бунгало. Представляете сцену, когда владелец шляпы поутру, толком ещё не проснувшись, водружал её на голову. До сих пор удивляюсь, как его, бедного, родимчик тогда не хватил.

Мы оказались на редкость удачливыми охотниками, и сладкая парочка «кенгурят» уже к утру коротала время в сооружённой на скорую руку вольере, ожидая команды «мотор!» для триумфального выхода на авансцену съёмочной площадки, чтобы занять достойное место под солнцем и положить свою лепту на алтарь кинематографа и науки.

Главная же наша ночная добыча – это сотни метров экспонированной киноплёнки, тщательно расфасованной по чёрным пакетам и запечатанной в металлические банки, которые затем были помещены в герметические яуфы. Там они и отлеживались в ожидании своего звёздного часа «икс», когда, благодаря манипуляциям киношной «алхимии», на их посеребренной подложке проявятся запечатлённые мгновения ускользающего времени, да чего там мелочится – самой Истории. Не зря же величайший из умов человечества называл кинематограф «важнейшим из искусств». Считаю, что это в наибольшей степени относится к кинодокументалистике. Наверное, именно по этой самой причине фильмотечные киноархивы многих государств, всесторонне используя последние достижения науки и техники, стараются в целости сохранить и уберечь в своих анналах слепки исторических эпох, целые хроникально-документальные их срезы. Так что потомки судить-рядить о жизни своих праотцев, о великих их деяниях и досадных просчётах будут, в первую очередь, по ним, этим неопровержимым документальным кино-свидетельствам, а не по псевдоисторическим рукописным творениям, бесконечно, на сто рядов перекроенным, переиначенным, а нередко и вообще кастрированным конъюнктурными и подбострастными служителями сиюминутности. Так что, на всякий случай, ещё раз напоминаю: «Лучше один раз увидеть, чем тысячу услышать».

Не буду описывать поведенческие подробности из частично рассекреченного, в кадрах нашей киноленты, образа сосуществования и быта, причём в довольно экстремальных условиях, таинственных и неуловимых «сальпинготусов». Они несколько однообразны и довольно примитивны, хотя, как одно из малоизученных проявлений многообразия форм живой природы, в определённой степени, конечно же, вызывают интерес.

Разделавшись, пожалуй, с самыми сложными в постановочном отношении эпизодами «Четвёртой охоты», наша боевая ударная единица взяла небольшой тайм-аут, позволив себе (заметьте, вполне заслуженно) несколько расслабиться перед довольно длительным и протяжённым путешествием к южной окраине Восточного Казахстана – в самое сердце птичьего «Эльдорадо».

Такая метафора вполне подходит к многочисленным разветвлённым рукам дельты Чёрного Иртыша. Здесь в глухих, сокрытых от сторонних глаз стеной камыша, заболоченных протоках, с незапамятных времён гнездились огромное (напоминаю, разговор идёт о конце прошлого столетия) скопление всевозможной, в том числе и экзотической дичи, начиная с реликтовых белых колпиц и чёрных аистов, кончая хищными скопами, большими спецями по отлову рыбного деликатеса, и флегматичными пеликанами, также представителями клана потомственных рыболовов. Главной же фишкой этого птичьего рая были адские полчища комаров всевозможных модификаций. Грозное гудение утренних, жаждущих крови элитных подразделений интервентов сменялось ноющим, занудливым писком полуденного гнуса. Тёмные извивающиеся столбики этой кусачей напасти заполняли весь горизонт, напоминая кочующий степной смерч, ввинчивающийся в синеву небесной лазури. Не было покоя и ночью, которая свои неприятные сюрпризы преподносила в виде крылатых и носатых разносчиков малярии. Вершиной всей этой «благодати» являлся овод, безбашенный и виртуозный мастер «фехтования». Нет, конечно же, речь идёт не о благородном герое из любимой миллионами книги Войнич, а всего лишь о маленьком летучем и кусучем негоднике, способном на пару со своим поделельником и ближайшем родственником слепнем обратить в бегство целое

стадо далеко не хилых коровушек во главе с грозным обладателем острых рогов, запредельного веса и вздорного характера. Говорят, что в поисках хлеба насущного эти «кровососущие» могут прокусить даже толстенную кожу гиппопотама.

Обо всех этих так называемых «прелестях», с которым предстояло столкнуться в предстоящей кино-экспедиции, нам, рядовым славной армии телевизионщиков, поведал ещё в Усть-Каменогорске, во время оформления пропусков в погранзону, один компетентный товарищ из Окружного управления КГБ. Пограничники, не сущие службу на этой граничащей с Китаем территории, чтобы как-то обезопасить себя от кровожадного летучего воинства, вынуждены закрывать лицо плотными сетками и смазывать открытые части тела, представьте себе, чёрным как сажа, зловонным дёгтем. Сертифицированные аптечные репелленты, рекомендуемые всесильной медициной в качестве универсального средства, отпугивающего любвеобильных насекомых, оказываются в данном конкретном случае бессильными и лишь только раззадоривают атакующих.

Вся эта мошкариная вакханалия (камарилья) набрала обороты, усилившись в разы в период, когда «наши братья навек» по ту сторону границы начали проводить массовую кампанию по ликвидации семейства воробьиных как класса. (Такой вот нелепый трагический просчёт, обрушивший буквально за каких-то несколько месяцев устоявшееся тысячелетиями природное равновесие, допустила одна из самых древних и мудрых наций, подаривших миру множество полезных изобретений, включая порох). И это при том, что, доложу вам, всему научному миру прекрасно известно, что воробьи довольно неплохие санитары, утилизаторы издержек природы, тем более, что в их повседневном летнем рационе, их ежедневном меню преобладает «ассорти» из комаров да мошек.

...Прошу прощения за несколько затянувшееся отступление. Так вот, давайте-ка я позволю себе раскрыть некоторые любопытные детали из довольно-таки насыщенного распорядка нашего (большой частью моего) ничегонеделания. Ни для кого не секрет, что одним из главных элементов любой расслабухи является обильный и продолжительный по времени «дастархан». Тем более, что работе мы, кочевое племя от телеинфантерии, отдавались полностью, не считаясь со временем, «не жалея живота своего». Не грех, согласитесь, в этой связи и плоть свою потешить. Власть погурманить тем, что Бог послал, но лучше вкусной и здоровой пищей а, заодно, как принято у православных, и отметить, рюмкой-другой – «чая», завершение самой сложной и ответственной части работы. В общем, скажу вам, накушались мы «от пуза», даже кулебякой с мясной начинкой из местной дичи побаловались. После такой мощной, эмоционально-кулинарной встряски всех, конечно же, сморило. Сразу же замечу, – исключая меня. Я оказался, вероятно, в силу возложенной на меня ответственности, более стойким. И одолевавшему меня искушению – смежить веки – не поддался. Какой-никакой, а начальник все-таки. И тут в голове возникла бредовая идея съездить в Самарку (райцентр, расположенный от нашей стоянки километрах, этак, в двадцати), чтобы отметить командировочные удостоверения. Дело в том, что следующий день, когда наша группа должна отъезжать, был, как назло, «красным днём календаря» и, естественно, все госслужбы, обладающие правом ставить в подорожных бумагах печать на «прибыл-убыл», будут закрыты. И тогда я, ничтоже сумняшеся, решил идти ва-банк. Бросив прощальный и немного завистливый взгляд на ответственного арендатора нашего единственного средства передвижения, по-королевски возлежащего, после сытного жора, в полной

отключке на снятом с «уазика» сидении, аки на троне. Его благодное, размякшее лицо было ещё не омрачено бременем назревающего катаклизма и даже, наоборот, в промежутки между руладами богатырского храпа, озарялось счастливой улыбкой преуспевающего бизнесмена. Секунду-другую подумав, я решился на незаконную экспроприацию и извлёк из недр его «широких штанин» желанный ключ зажигания, нагло преступив этим своим противоправным действием одну из важных библейских заповедей. А затем, сделав коллеге ручкой, до отказа надавил на педаль акселератора и тихохонько, особо не афишируя, «по-аглички», отчалил.

И вот, без водительских прав, без путевого листа, с перегруженным желудком и весьма сомнительным опытом вождения, ваш покорный слуга, тем не менее (и это, во время последующих разборов полёта, было оппонентами отмечено), довольно успешно преодолел бездорожье и выбрался на трассу, ведущую к райцентру. И-и... тут началось. Когда железный мустанг, ведомый моими твёрдыми и уверенными в кавычках руками, то бишь – ногами, набрал приличную скорость, он, этот, абсолютно лишённый интеллекта, безмозглый механизм, каким-то непонятным образом поняв, что за рулём примостился салага, вдруг вообразив себя чем-то или кем-то, типа «киберга-терминатора», проявил норы. Абсолютно перестал слушаться руля и, «фе», – выказав полное мне неповиновение, стал, как пьяный, выписывать несуразные восьмёрки. Да-а, адреналин у железного коняги в эти роковые минуты явно зашкаливал. Ситуация, как говорят в подобных случаях, явно вышла из-под контроля. Аркадий Исаакович Райкин – один из кумиров доперестроечного периода, попав, допустим, в подобный переплёт, непременно бы с эстрады вопрошал у внимающей ему с открытыми ртами публики: «...Что делать, что делать, а-а-а!»

Однако же в эти, почти роковые, трагические для меня мгновения, и именно на этот раз, всё разрешилось (свят-свят!) более-менее благополучно. Я, без всякого преувеличения, родился, что называется, «в рубашке».

Судьба-злодейка на первую мою серьёзную оплошность лишь легонько погрозила пальчиком, наказав неразумного своего подопечного щадящим штрафом.

Короче, бедная колымага вместе со всем своим бесценным содержимым в мгновение ока оказалась в дорожном кювете на боку. Когда мне, с невероятным трудом, удалось из неё выбраться, переднее колесо всё ещё крутилось. Произведя беглую ревизию своих органов, я обнаружил лишь небольшую ссадину на лбу. А жизнь, не смотря ни на что, продолжалась. Донельзя зашоренный, спешащий по своим неотложным делам шоферской народ, тем не менее, притормаживал около странноватого ДТП, причмокивал губами и, недоумённо покачивая головами, с удивлением пялил глаза на захватывающее зрелище. Куда там фильмам-катастрофам и прочей сериальной жвачке. Но буду более чем откровенен. Меня в этой ситуации вовсе не прельщала роль несостоявшегося каскадёра, да и вообще, любая публичность. (Человек я стеснительный, местами, на мой субъективный взгляд, даже скромный, Если иногда втайне и мечтающий о славе, известности, то отнюдь не о такой, как у пресловутого поджигателя древности Герострата).

Оклемавшаяся после мощной, апокалипсической встряски мозгов, здравая часть моей сущности на редкость быстро сориентировалась в сложившихся обстоятельствах и в моём никакушном состоянии, подбодрив внутренним голосом «... не робей, паря!» И тогда я, воспрянув, что называется, духом, окинул глазающую публику пронзительным орлиным, даже можно сказать, испепеляющим взглядом, сродни отважному вождю краснокожих перед предстоящим кровавым побоищем.

а затем, набрав полные легкие воздуха, зычно, во всю глотку, как это делал в экстремальных ситуациях заполосный Павка Корчагин, кинул в созерцающие массы революционно-пролетарский клич «...Смотри на меня, делай как я» и, не ожидая реакции благодарных зрителей, бросился раскачивать смятый в гармошку родной «Уазик». Сердобольные и очень, скажу вам, отзывчивые у нас все-таки люди. Через минуту-другую несчастное авто уже было на своих двоих, «эскизю», – на своих четырёх. Причём пеленг более всего пострадавшего передка был сориентирован по направлению туда, откуда «болид», ведомый моей нетвёрдой рукой, прикатил. Такой вот смертельный, с переворотом на сто восемьдесят градусов, кульбит я совершил вместе с взбунтовавшимся механическим «аргамаком» в тот, можно сказать, в чём-то судьбоносный, послеобеденный час. (Резюме: никогда, ни в коем случае не надо переедать. И ещё: Бог – он точно шельму метит). Ну а мне, что же мне!? Мне просто не резон жаловаться на свою карму. Скажу больше, как истинный фаталист, я даже должен, нет – обязан, до самого скончания века много и премного быть ей, своей судьбинуске, благодарен. Могло быть, ой как, даже страшно подумать, в разы хуже.

Поставив опрокинутый набок аккумулятор на место и затянув слетевшие клеммы, я быстренько скинул с себя съеденные выплеснувшейся кислотой портки и завел безотказный мотор. Минуту-другую вняв его жалобной, прерываемой бензиновыми выхлопами речи я не солоно хлебавши отчалил восвояси, то есть на ПМЖ. Но вот, правда, возвращаться обратно по автостраде я почему-то постеснялся. Решил на этот раз довольствоваться обочиной. Полз по колдобинам до самого свёртка к нашей стоянке. Затем, выбравшись на ранее пробитую в супеси колею, осмелел и прибавил обороты. Когда, по моим расчетам, до родимого стана оставалось где-то с километр-полтора, что-то у моей «лайбы» неприятно заскрежетало, и, у-ух, смачно крякнув, она уныло уткнулась носом в песчаный перемёт. Боковым зрением я увидел колесо, которое неожиданно и совсем даже некстати покинув своё рабочее место, катилось на метра два впереди. Видимо, удар во время недавнего циркового номера был настолько силён, что срезал большую часть крепящих его шпилек, а дальнейшие метания несостоявшегося Шумахеера (то есть меня) всё окончательно и бесповоротно усугубили. Пришлось разнесчастной жертве обстоятельств (то есть – мне) преодолевать оставшееся расстояние пешим ходом. Растолкав всё ещё пребывавшего в царстве Морфея и ни сном, ни духом ничего не ведающего водителя, я вкратце обрисовал случившееся и связанные с этим мало-приятные перспективы. Требовалась довольно серьёзная работа по приведению в божеский, первозданный вид нашей ласточки. Причём в самый наикратчайший срок. Слушая мои пространные тирады, парень только хлопал глазами. Хорошо хоть не ушами. Надо пояснить, что человеком он был довольно дотошным и упёртым, из приволжских немцев, и мне пришлось здорово попотеть, чтобы убедить его в том, что «...не так страшен чёрт, как его малюют». Пообещал я ему за молчание и отступные, ну а все расходы по ремонту взял, естественно, на себя. Такие вот пироги. В телеграмме студийному начальству с просьбой о продлении командировки я, взяв грех на душу, указал «весомую» на это причину – непредвиденные (упало брёвнышко с проходящего лесовоза), форс-мажорные обстоятельства. Забегая чуть вперёд, честно, без прикрас поведаю, чем же завершилась эта, более чем насыщенная экспедиция. По прибытии нашей команды в родные пенаты многоуважаемый Председатель областного телерадиокомитета решил самолично

удостовериться в состоятельности изложенной мной в телеграмме версии этого (будь оно неладно) дорожно-транспортного происшествия. Сделав несколько кругов вокруг страдальцы, он почему-то долго ощупывал брезентовую обшивку кузова и, как мне показалось, даже зачем-то обнюхал её. В заключение дотошного осмотра высокое начальство одарило меня внимательным и многозначительным взглядом. Был он, как сейчас помню, далеко не только не сочувствующим, но и (вот напасть), даже, можно сказать, подозрительным. Увы, уличить меня в искажении фактов и некоем подлоге не удалось. Всё было подчищено так, что даже комар не смог бы носа подточить.

Около полувека прошло с той самой приснопамятной, несанкционированной поездки, много воды утекло, и даже на одной шестой части суши общественно-государственный строй поменял свои политические приоритеты, а я всё ещё, в минуты затяжной ностальгии по прекрасной, незабвенной и, увы, уже невозвратной поре, испытываю некий дискомфорт в той части собственного «эго», где, по моему разумению, располагается центр, отвечающий за несправедливые поступки. Ну а, если попроще, то терзаюсь я, господа-товарищи, элементарными угрызениями совести. Такой вот незабываемый урок на всю жизнь. Не зря же народная мудрость гласит: «Век живи и век учись!» Вот и учусь! По сей день, с тех самых минут, когда я переступил запретную черту, следуя неукоснительно этому «заповиту». Одно из убедительных подтверждений моим словам – более четверти века безаварийной езды с того, «исторического» момента, когда было легализовано моё право на управление транспортными средствами. Так что, прошу в мою, цвета мокрого асфальта, старушку «Ладу». Доставку вовремя и без каких-либо эксцессов, связанных с дорогой, гарантирую!

Поехали же! Давно пора. А то несколько забуксовала заявленная сюжетная линия с этой городьбой, в общем-то, необязательными подробностями. Хотя, как знать!?! У Льва Николаевича сплошь и рядом всевозможные *Nota bene*, ремарки, лирические и прочие отступления и, опять же: «Сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок».

А жизнь, не смотря ни на какие природные и прочие «армагедоны», шла своим чередом. Текла, так сказать, в заданном свыше русле. Вселенский маховик, когда-то раскрученный Творцом (Демиургом), сбоев не даёт. Мы же, человеки, лишь смиренно (не все) следуем по означенному непредвзятой планидой пути. Главное в нашей многотрудной жизни – это, на языке великого Гёте, «Arbeit» и ещё раз «Arbeit»! Поэтому производственный план, спущенный сверху, в условиях развитого социализма, – это всё, это святое! И, как сами понимаете, подлежит неукоснительному, в означенные сроки, исполнению. Вот и нашу, несколько застопорившуюся работу над «Четвёртушкой», необходимо было срочно форсировать. Период реабилитации завершился и, после восстановления моего, несколько подмоченного реноме и попавшей в переплёт нашей кареты-внедорожника, всем «кавалергардам» группы предстояла дальнейшая долгая и (к гадалке не ходи) более чем трудная дорога.

М-да, а что же по этому поводу думает оргнаука? Встряхнув разок-другой походный наш компас и, окончательно убедившись, что магнитная стрелка, покачиваясь, каждый раз упрямо упирается в букву «зет», – научный консультант, а по совместительству штурман-поводырь Борис безапелляционно изрек: «Азимут верен, – и, вспомнив мрачную, в чем-то даже безысходную картину, нарисованную, помните, тогда перед самым началом нашей экспедиции управленцем из погран-

службы, с пафосом провидца добавил, – ...алга (т.е. вперёд), на баррикады!» Потом мы решили, для вящей убедительности, разложить пасьянс. Он оказался солидарен со стрелочным прогнозом. Но мой личный, биологический компьютер почему-то воспротивился и явному намеку магнитной стрелки и, лёгшей в масть, козырной карте, воспротивился очевидному, лежащему на поверхности. И я, называющий себя фаталистом – назло, в пику этому, все-таки принял авторитарное решение не мчаться срочно, с риском для здоровья, покорять южные широты, как было ранее задумано, а возвращаться на студийную базу, в Усть-Каменогорск. Сработала целесообразность. Я решил избавиться от ставшей ненужной обузы – громоздкого прицепа с электростанцией. «...Мавр сделал своё дело, мавр должен уйти». Да и тылы нужно было срочно подчистить.

Так что, так что! Взяв на буксир отработанную технику, мы двинулись в обратный путь. По возвращении в родную «альма-матер» я постарался в темпе разобраться с делами насущными. То да сё, третье-четвёртое, пятое-десятое. Так более-менее, без особых препон и накладок, уладив все формальности и получив, как положено, от начальства очередную порцию «ЦУ», я решил начать подготовку к отбытию. На этот раз наша группа, теперь уже в несколько усечённом составе (консультант решил взять отгул) и уже с новым водителем (старый никак не мог оправиться от стресса) отправились наверстывать упущенное в славный город горняков – Зыряновск, напрямик на РОР, чтобы поднять живой талисман «Четвёртой охоты» – удачливого фотоохотника Лухтанова, нашего главного героя, а по совместительству – маркшейдера на его основном рабочем месте. (Хотя, почему главного!? Главный герой этого фильма, точнее героиня, я считал и считаю это, конечно же, – неповторимая природа Восточного Казахстана и её, «от мала, до велика», обитатели – наши «братья меньшие»). Спешили мы не зря, день нашего приезда ознаменовался грандиозным салютом – взрывали богатейшее рудное тело. Кадры получились – что надо! На фоне разгоревшейся баталии (на жаргоне горняков, так называемой «вскрыши») наш несравненный Александр «энный» мало чем отличался от своих именитых тезок. Правда, вместо положенных «шашки наголо», карты боевых действий и подозрительной трубы, – главных атрибутов военачальника, – оперировал он теодолитом и мерительной линейкой.

«Сделал дело, гуляй смело», – тра-ля-ля, тра-ля-ля. Но гулять, к сожалению, было ещё рановато, сделана была его, дела, лишь малая часть, и поэтому, долго не задерживаясь, мы двинули далее, на Чёрный Иртыш, давший и продолжающий давать жизнь седому озеру Зайсан, – в самый эпицентр комариного царства.

Ох, и досталось же нам. До сих пор, при воспоминании о днях, проведённых у Озера звенящих колоколов (одно из многочисленных имён реликтового Зайсана), меня бросает в дрожь. Особенно исстрадался наш тонкокожий, бледнолицый водитель. Ну, вероятнее всего, от того, что для летучих кровопийц он был довольно легкой добычей, а ещё, и это лишь моё предположение, его кровь у гнусной публики проходила по разряду деликатесов.

Первой из задач, которую я перед собой поставил, это – отснять журавлиную семью непосредственно в естественной, комфортной для них обстановке и, по возможности, с бытовыми нюансами. Соорудив из камышей небольшой скрадок на курьих ножках с небольшой амбразурой для наблюдения и установив в нём на штативе камеру с телеобъективом, я провёл с народом оперативку, на которой, по взаимному согласию, распределил обязанности между моими «шерпами». Полагая

что на стрёме мне придётся торчать не одни сутки, а голод не тётка, необходимо было продумать, как технологически организовать скрытную от сторонних (птичьих) глаз доставку пищи насушной. Желательно – свежеприготовленной, горячей. Основную нагрузку в выполнении этой непростой задачи я попросил возложить на себя «Генаралиссимуса», так иногда, в запарке, я называл своего приятеля, от случая к случаю меняя этот высокопарный позывной на более заземленный – «Генацвали». Он же, в отместку, кликал меня (слава Богу, не принародно) «ЭписТоллярным Толявизором». Пропущу необязательные детали, типа вымучивших всех «до не могу» отражений нескончаемых атак комариных «бандформирований» и отсутствия элементарных бытовых удобств, главное, что на этот раз охотничье счастье не обошло меня стороной. Я практически отснял целую многоплановую, с множеством деталей развернутую сцену, в которой чета прогуливающих по лужку королевских журавушек, в нарядных кружевных манишках вокруг стройных шей и этакой миниатюрной короной из перьев у главы семейства, проводит мастер-класс для своих, ещё неоперившихся чад, наглядно обучая птенцов каким-то там своим премудростям. Причём всё это происходило чуть ли не рядом с моим наблюдательным пунктом. Иногда, чего-то заподозрив, эти гордые и очень осторожные птицы, останавливались, настороженно прислушиваясь к еле слышному звуку работающей кино-камеры, а затем на какое-то время замирали, позируя прямо в её закамуфлированный телеобъектив. Помимо этих уникальных кадров мне тогда параллельно удалось отснять ещё много любопытных и довольно редких сюжетов. Это и цапля, медитирующая на фоне заката с повисшей на её выдающемся клюве крупной каплей, переливающейся в лучах заходящего светила, и цветастый ковёр празднично расцвеченных стрекоз, облепивших прибрежный тростник и, под порывами низового ветра, слегка подрагивающих радужными крылышкам. Вероятно, их скоплению на одной из протоков Чёрного Иртыша в столь большом количестве послужила возможность власть полюбоваться на царственно-белые лилии, украсившие водную гладь. Вот и ещё одно подтверждение невероятно притягательной силы Красоты. И... последнее из этого, поименованного ряда моих охотничьих «кино-трофеев». Слёзно каюсь, в надежде, что меня поймут и простят мою некоторую непоследовательность. Вопреки твёрдо заявленной выше концепции по поводу чистоты жанра, я ввёл в сюжетную ткань фильма небольшой, по сути дела постановочный, игровой эпизод. Актёрами в нём выступают самолично Лухтанов и К⁰. Действие развивается так:

...Сквозь колеблющиеся заросли чертополоха и рогоза маячат две фигуры.

На более крупнённом плане становится понятным, что это наш герой с сыном.

Они, продираясь к чистой воде, энергично ломают острую, как лезвие бритвы, осоку.

Фотоохотник держит в ладонях крохотного утёнка, истошно взывающего о помощи. Он, по всей видимости, заблудился в камышах, ну и по этой причине соответственно отстал от своей многочисленной родни.

С неимоверным трудом Лухтановы добираются до искомого озера, в котором, в поисках пропавшего сына, взволнованная мамаша уже более получаса мечется кругами, нервно хлопая по воде крыльями и жалостливо крикая.

Сообразив о причине поднятого «хитиша», ярый защитник птичьих прав, тут же выпускает незадачливого потеряшку на волю...

Такова, вкратце, сценарная запись этого эпизода. Ну и, как вы должны догадаться, этими отработанными, эксклюзивными материалами я не ограничился. В заделе ещё множество других любопытных сюжетных коллизий, много чего такого – из неиссякаемого и благодарного источника, именуемого дикой природой.

И знаете, вот ещё чем мне хотелось бы с вами поделиться! Так сказать, поплакаться – по дружбе, в жилетку. Нет, простите, это прямо-таки целенаправленная, какая-то транспортная напасть на мою бедную голову. Иначе и не назовёшь.

В один из завершающих дней нашего пребывания в этом, можно сказать, «райском» уголке, со стандартным набором «непреходящих ценностей», таких, как сыпучие пирамиды из песка, добела раскалённый диск дневного светила, источающий испепеляющие всё и вся лучи, страшные своей непредсказуемостью, затяжные самумы, надоедливая мошкара, ядовитые субтильные змеи на пару с мохнатыми и не менее ядовитыми каракуртами, жалящими исподтишка и т. д. и т. п. (кстати, поделюсь с вами эксклюзивной и редкой информацией из надёжных источников. Для выдающегося российского учёного и путешественника Пржевальского любая, даже самая непрезентабельная пустыня была именно райским уголком, но уже без кавычек, – Эдемом, где, как он не однажды говорил своим близким, его мятущаяся душа, внимая необычной гамме звуков, издаваемых цикадами, поющими взхлеб кочевыми барханами и ещё непонятно чем-то или кем-то, и, взирая на причудливую фантазмагорию миражей, испытывала то, что называют катарсисом, чувствовала всеми фибрами некое, сравнимое с нирваной, вселенское умиротворение).

Ранним предрасветным утром мы, перед отбытием на материк, решили совершить заключительную, обзорную экскурсию. Покинув место нашей базовой стоянки, студийный внедорожник неспешно (пых-пых), на нижней передаче полз по безлюдной Зайсанской котловине, вдоль песчаного берега одноименного озера, и... – вот те на, полный отпад! Неожиданно по курсу возникло дрожащее в мареве видение – полевой лагерь геологов. Это был, скажу вам, обоюдно приятный сюрприз. Особенно же, думаю, для них, вечных бродяг, постоянно пребывавших в отрыве от благ цивилизации и неделями не видевших поблизости ни одной живой души. Несказанно обрадовавшись свалившимся, словно снег на голову, свежим визитёрам с Большой земли, поисковики тут же предложили нам разделить с ними скромную трапезу. Ну – мы товарищи общительные, контактные (профессия обязывает) и, чего греха таить, с неуёмным зверским аппетитом, конечно же с радостью согласились. Тут же, «не отходя от кассы», на импровизированном столике появился десерт в виде огромного полосатого арбуза, и неспешно потекла задушевная беседа. По её ходу «лирики энд физики» препарировали, разбирая буквально по косточкам, до основания, все животрепещущие, волнующие обе стороны темы. Утренний брифинг вопросов и ответов проходил обстоятельно, со знанием дела и вкусом. То да сё. Ну, прямо как у небезызвестных «пикейных жилетов». В заключение хлебо-сольные хозяева тут же пригласили нас на вечерний «ланч». Предложение было с благодарностью принято, и всё бы ничего, но, как затем оказалось, таило оно в себе подводные, в прямом смысле, камни. Когда после затянувшегося до глубокой ночи роскошного дастархана, мы возвращались на свой бивуак, случилось непредвиденное. Главным ориентиром, путеводной, так сказать, звездой во тьме кромешной для нашего «Сусанина на колесах» служила колея, оставленная ранее протекторами шин его моторизированной арбы, и, естественно, такого мерзопакостного подвоха, какой нам учинила беспардонная стихия, никто не ожидал. Послеполуденный

бриз, дувший в течение нескольких часов, нагнав волну, затопил твёрдые (в сухое время), как камень, просоленные глинистые такыры, превратив их, буквально в одночасье, в сплошное месиво. Короче: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

В подобной ситуации даже иглокожему ежу понятно, что вляпалась наша амфибия, что называется, «по самые не могу». Порядком намаевшись во время незапланированной холодной ночёвки, наши незадачливые едоки во главе с ездоком с первыми же лучами солнца кинулись проводить тщательную и обстоятельную рекогносцировку местности. Результат, увы, оказался отрицательным. Стало предельно ясно – коротать нам тут и коротать. Караул кричать бесполезно: на многие километры – ни души. Но, если помните, я уже как-то однажды выражал огромную признательность своей замечательной, хоть и разнесчастной, судьбинушке. Не подвела она меня и в этот раз. Неожиданно откуда-то, словно джин из бутылки (я бы в этом нашем беспросветном случае скаламбурил, переименовав на «джип»), в струившихся над болотистой низиной теплых потоках испарений, возникла еле заметная, движущаяся точка. Каюсь, вначале я не придавал этому особого значения, полагая, что это проделки степного миража, оптический, так сказать, обман. Вау! Впервые за всю сознательную жизнь мне не пришлось жалеть о своём проколе. Точка постепенно превратилась в запятую, а потом, потом... Слава Богу, это был он, самоделешный, всепроходимый «джип» нашего, советского разлива, именуемый в техпаспорте как ГАЗ-66 – наше санкционированное высшими силами спасение, поставившее жирный восклицательный знак в этой драматической, с самыми неожиданными, в лучших традициях сюрреализма, закрученными сюжетными поворотами, весёлыми и грустными историями, и даже кровавыми (комариный шабаш и др.) эпизодами эпоса.

Всё! «Гуд бай, Америка». Мы спешно засобирались домой. Как в подобных случаях любил повторять, дай, боже, памяти, то ли мой знакомый, то ли один, кажется, довольно известный литературный персонаж: «Хорошо то, что хорошо кончается». Пора и честь знать. Вслед за равнобедренными треугольниками улетающих на «юга» журавлиных стай потянулись и мы, действительные члены съёмочной группы славного Усть-Каменогорского телевидения, правда, в сторону им, вольным птицам, несколько противоположную – на норд-норд-ост.

Мало-мало отдышавшись под дымящими трубами пылающего сердца Рудного Алтая и подчистив за собой кое-какие огрехи, я принялся перелистывать непрочитанные страницы сценария. Автор оставил право выбора, для их творческой реализации и интерпретации на кино-язык, за режиссёром, то есть – за мной...

Изрядно помараковав, я твёрдо решил, что следующий марш-бросок нашей разудалой кинокомпании уже совершу зимой, причём желательно в один из самых загадочных уголков сказочного Берендеева царства. В общем, нанести дружественный визит Деду-Морозу, Красному Носу непосредственно в его таёжной вотчине. Терпеливо дождавшись, когда запуржат ранние метели, а ледостав, заключив в свои железные объятия, остановит сумасшедший бег горных речек, и убедившись воочию, что по первой пороше двинулись, оставляя на ней свои автографы, свою витиеватую вязь приодетые в тёплые, дорогие меха таёжные модники и модницы, я затрубил общий сбор. И на нём, не скупясь на эпитеты и мало употребляемые изыски ненормативной лексики, попросил подопечных как можно тщательней, в соответствии с календарём и погодой, отнестись к экипировке. Особый упор при этом советовал им сделать на обувь («...держи голову в холоде» – касалось только

меня, а вот вторая часть рекомендации про то, что ноги нуждаются в тепле это уже для всех), сам же, закутав кинокамеру и аккумулятор в согревающую амуницию, отдал команду «Свистать всех наверх!» и во главе боевой дружины отправился добывать своё, не имеющее аналогов (точного жанрового определения) творение.

Не премину отметить некоторые нюансы этого, вполне подпадающего под понятие «экстрим», кино-вояжа. Несмотря на то, что сильно донимал температурный дискомфорт и постоянно дул свирепый ветер, взмучивая и бросая в лицо смерзшийся колючий снег, и нередко «глючила» аппаратура, было до безумия здорово и интересно. Такое состояние, наверное, испытывают первопроходцы. Глаза в иной раз буквально разбегались от изобилия диких представителей фауны и многообразия приёмов, используемых ими по добыванию пищи и прочих дел. Чего стоит сольное представление бестии в шикарной рыжей шубе, именуемое у промысловых охотников мышкованием. Прямо-таки нечто из области балета. Во всяком случае, элементы фуэте и антраша в нём явно присутствуют. Можно встретить, если, конечно, очень повезёт, и любителей наиболее крутых, изощрённых зимних забав. Особенно в этом горазды косолапые хозяева тайги – мишки, любимым развлечением которых является скоростной спуск с утрамбованных свирепой вьюгой снежных крутосклонов. Причём катание с ветерком, где в качестве саней они используют не какую-нибудь там лесину, а собственную пятую точку. А как вам групповой, почти на грани суицида, исход косачей на закатном солнце. Вдруг, неожиданно, ни с того, ни с сего многочисленная тетеревиная стая, вольготно расположившаяся на развесистой красавице высотой с многоэтажный дом и преспокойно балующаяся подмороженными берёзовыми сережками, – «...фыр-рр» и, сложив крылышки, как по команде, солдатиками бухается на ночёвку прямоком в снежный сугроб, под которым вполне могут торчать и коряги, и, не дай Бог, острые обломки скал. Ну и... многое-премногое другое, из такого, большей частью закрытого для глаз сторонних, непосвященных, этого более чем загадочного, таинственного мира дикой природы. Лично же меня, при неожиданных зимних встречах, более всех напрягала и всегда удивляла своей смелостью и недюжинным мастерством, а главное своей деловитой непосредственностью, крохотная оляпка (водяной воробей), промышляющая у речных прогалин. Морозяка! Из остывающей в речной прогалине воды – пар столбом, а ей хоть бы хны. Прыг-прыг, скок-поскок, и отважная ныряльщица, набрав полные, по моему разумению, толи зоб или там лёгкие воздуха, идёт в затяжное подлёдное погружение, на побитие предыдущего, собственного рекорда. Минута, друга, третья... Но напрасно ожидать появления её на свет божий обратно около этой купели. Вынырнет она с заслуженной добычей, таким аппетитным, даже можно сказать, деликатесным червячком в клювике, уже у другой отдушины, где-то метров за десять-пятнадцать. Восхитительное и трогательное зрелище, не правда ли?

«...Через тернии к звёздам» – так бы я, воспользовавшись общеизвестным трюизмом, обозначил для себя то далёкое и незабываемое время. И это ни в коей мере не высокопарное, отдающее пафосом заявление. Много, очень много чего пришлось перевидать, испытать, через многое пройти. Месяцы тяжелейшей и, вместе с тем, трепетной работы над лентой пролетели как один день. Они стали для меня настоящей школой жизни, тестом на творческую состоятельность, настоящим рывком не только в профессии, но и в постижении многих непреходящих общечеловеческих истин и ценностей.

Итак, констатирую. Завершив более-менее мной освоенный, пользуясь терминологией геологов, полевой период, плавно перетёкший в камеральный, я перенаправил все свои дюжинные и недюжинные усилия на область, пока мало мной изученную и требующую, помимо заложенных в генах – дарованных от бога, творческих потуг и самой элементарной усидчивости. Для человека, то есть для меня, исповедующего девиз «жизнь это движение», такое недвижимое состояние, как понимаете, «хуже горькой редьки».

Помимо этого, масса ещё совершенно других, специфических забот разом обрушилась, навалилась на мои «могутные» плечи плотной стеной. В пору было кричать: «Рятуйте, братцы, тону!» Такое ощущение, что я кинулся в бездонный омут головой. Отбор самых нужных и «вкусных» кадров из километров отснятой плёнки, ночные бдения за монтажным столом в поисках оригинальных решений и их реализация, преодоление сопротивления далеко не однозначного и простого материала, отбор музыки и шумов и т.п., и т.д. Когда вся эта галиматья начала приобретать некий смысл, оформляться в нечто членораздельное и съедобное, я показал рабочую копию автору и, по совместительству, главному редактору, от которого зависело практически всё. Не только судьба родимого «кино-монстра», выкачавшего все мои жизненные силы, но и моя дальнейшая творческая карьера. Поняв, что высокопоставленный работодатель благосклонно воспринял предложенную мной интерпретацию его литературного сценария и режиссерски-операторское его исполнение, ну, и даже где-то ко мне, вернее – к проделанной мной работе – проникся уважением, что для коллег по цеху является довольно большой редкостью, я начал ковать железо – пока оно горячо. То есть взял, что называется, быка за рога, предложив дирекции УКТВ окончательную доработку ленты, её озвучивание и печать провести в Москве, на базе студии «Центрнаучфильм», мотивировав это тем, что её художественное и техническое качество в этом случае поднимется на порядок. И ещё, в пользу этой, довольно претенциозной идеи, привёл экономические соображения, заключающиеся в том, чтобы данную работу произвести после завершения моей весенней учебной сессии. Выше я уже говорил, что тогда, в период съёмки «Четвертой охоты», я ещё учился на операторском факультете ВГИКа и этой лентой собирался защищать диплом. Так что небогатый студийный бюджет не пострадает – дорогостоящие транспортные и квартирные расходы заочников государство, как правило, брало на себя (вот были времена – социализм, ничего не скажешь. Учись себе да учись!). Доводы были довольно убедительными, и всё разрешилось полюбовно. Бывает, что и в забитую рутинными делами голову приходят умные мысли. Далее всё пошло, как по маслу. Дикторский текст прочитал своим проникновенным голосом замечательный московский актёр Колычев, синхронные шумы были записаны группой профессионалов с «Мосфильма». Единственная накладка произошла с музыкальным оформлением пролога и эпилога фильма. В фонотеке студии не оказалось светлой, жизнеутверждающей мелодии, соответствующей, в контексте с изобразительным рядом, моему видению ленты, которая смогла бы стать камертоном «Четвёртой охоты». Помогла моя разлюбезная «альма-матер». То, что нужно, я нашёл в фильмотечных анналах киноинститута. Это была одна из наиболее пронзительных музыкальных тем Мишеля Леграна, прозвучавших в моднейшем тогда фильме «Шербургские зонтики».

Наступившая осень 1970 года стала для меня премьерной. Состоялся первый показ «Четвёртой охоты» на Усть-Каменогорском телевидении, затем фильм был

тиражирован в Москве и разошёлся по всем базовым студиям страны Советов и даже попал в некоторые столичные грады её прокоммунистических сателлитов. Через какое-то время лента приобрела ещё более обширную аудиторию, транслируясь на государственном телеканале Казахстана, а затем её анонсировало уже Центральное телевидение. После столь представительных и многочисленных показов «Четвёртая охота» получила не только хорошую прессу, но и благожелательные рецензии. Из всех мне наиболее дорога та, которую написал Марк Беркович (мой институтский мастер-куратор, снявший множество игровых фильмов, в том числе и на пару с Шакеном Аймановым известнейшую комедию «Наш милый доктор») и которая была опубликована в журнале «Новый фильм». В ней весьма непредвзято и профессионально, что для меня наиболее было важно, весьма позитивно мэтр анализирует мою работу. И ещё, что меня в этой связи особенно греет, – это высокая оценка рядовых телезрителей, послужившая, вероятнее всего, главным аргументом при отборе лент, достойных представлять Казахстан на I Всесоюзном фестивале телевизионных фильмов в Минске.

К сожалению, по ряду технических (хотя я более склонен думать, чисто бюрократических) обстоятельств в конкурсный показ он не вошёл. Но, тем не менее, мы (я и автор) были внесены в список участников и получили официальную аккредитацию. Это был первый столь значительный мой выход в свет. И, что особенно немаловажно, не только обширное знакомство с коллегами из всех краёв, областей и республик нашей необъятной державы, но и участие в развёрнутых творческих дискуссиях за одним столом, практически визави, с корифеями советского телевидения, его элитой.

Пообщались мы тогда на славу. В конце завершения фестивальной программы, во время затянувшейся финишной прямой, предваряющей подведение итогов и объявление победителей конкурсной программы форума, в которой, увы, наш фильм не участвовал, мой соавтор и шеф Бортник, как всегда полный невероятных идей, неожиданно предложил по-тихому отчалить и, с пользой для дела, метануться «галопом по Европе», а конкретнее – по главным культурным достопримечательностям советской Прибалтики. Первым номером намеченной им программы стоял Каунас – родной город великого литовского художника и композитора Чюрлёниса, с чьим своеобразным и неувядаемым творчеством нам предстояло впервые, подчёркиваю, именно впервые – познакомиться. Дело в том, что за особое, далёкое от соцреализма, видение мира тогда, в те заревые годы его имя страна Советов старательно замалчивала. Ну а, как понимаете, запретный плод он ведь всегда приятен. Поэтому, не очень-то доверяя проблематичной информации беспардонно вещавших на нашу страну «вражеских голосов» и во все тяжкие восхвалявших творческие «измы» каунасского отшельника, необходимо было самолично убедиться – насколько она правдива. К величайшему сожалению, всемирная и всезнающая п@утина тогда ещё находилась в стадии развития где-то между куколкой и имаго.

Начали мы своё знакомство с Чюрлёниса – композитора. Проникнувшись до глубины души его созданной на рубеже столетий симфонической поэмой «Море», мы перекочевали в зал с развёрнутой экспозицией станковой живописи мастера. Там-то, неожиданно для себя (вот она, только подумать, воочию – «нетленка»), и застряли на «энное» время. И я совсем не удивился, что моего идеологически выдержанного спутника, правоверного коммуниста Павла Бортника от «Сотворения мира» – одного из, пожалуй, самых впечатляющих, лучших (и спорных) живопис-

ных полотен мастера – мне, беспартийному, пришлось уводить едва ли не силой. Такова чарующая притягательность истинного искусства. На той же улочке, чуть поодаль от художественной галереи литовского гения, присоедилось ещё одно уникальное, запредельное заведение, от одного взгляда всего лишь на вывеску которого, верующих должно было бросать в дрожь, и куда мы, упёртые атеисты, также не преминули нанести визит. Это был, пожалуй, единственный в мире (в СССР – точно) так называемый «Музей чертей». Какой только, скажу вам, нечисти в нём представлено не было! От оригинальной инсталляции, изображающей Лысую гору с сонмом разнокалиберных, залихватских ведьм и ведьмаков, справляющих («на высоком сатанинском уровне») там свой разнузданный шабаш, до стереопанорамы «Врат Адовых», около которых разбитная компашка чумазных бесенят, кривляясь, показывала неприличные жесты и строила рожи провинившимся грешникам, понуро ковыляющим в ожидании неминуемой геенны огненной.

Далее в нашей дорожной карте стоял на половину закрытый портовый городок Палдиски, главной примечательностью которого была глубоководная бухта – место базирования, как позже выяснилось, боевых акул (подлодок) ВМФ. Потом были всевозможные памятники средних и прочих веков. Заключительным аккордом нашей культурной программы стало посещение Домского собора, пожалуй, самого именитого в Восточной Европе. В нём под торжественные фуговые пассажи Иоганна Баха, исторгаемые из чрева огромного органа, взметнувшегося к мозаичному стрельчатому потолку, мы наслаждались высокохудожественной росписью его стен. А уже окончательную точку (восклицательный знак) наш тандем поставил, побывав в одном из столичных костёлов. Там несколько поодаль, со стороны, мы наблюдали за обеденной мессой, которая для нас, порядком проголодавшихся за время хождения по достопримечательным местам, плавно перешла в дегустацию местного кальвадоса (яблочной водки) и наиболее изысканных блюд национальных кухонь. Вначале литовско-латышской, затем, на мой взгляд, более продвинутой эстонской, где на десерт, помимо убойного грога, предлагалось ассорти из канкана и стриптиза, исполняемых отвязными, с явными признаками дистрофии, синюшными девицами.

Кстати, ночные элитные забегаловки прибалтийских столиц были тогда, в тот развесёлый брежневский «золотой век», пожалуй, единственным местом во всём Союзе Советских Социалистических и, заметьте, свободных республик, где можно было спокойно, не оглядываясь постоянно по сторонам в ожидании невзначай наткнуться на осуждающий взгляд недреманного ока могущественного КГБ, прикоснуться к нетленным западным ценностям. Теперь, по прошествии времени, можно утверждать, что наши прибалтийские друзья были действительно свободными, абсолютно свободными от какого-либо внешнего и внутреннего диктата вертикалей «имперской» власти гегемонов пролетариата на пару с подручными компартии и даже были на особом, отличном от других союзных административных образований, счету. Ни тебе экологически вредоносных предприятий, загрязняющих среду, ни поборов в виде обременительных налогов, ни других нелегальных вещей, ущемляющих национальные приоритеты и достоинство титульного народонаселения. Живи себе да живи! Более того, доложу вам, весь этот элитный конгломерат прибалтов датировался (в ущерб другим, равным и тогда ещё братским республикам, и даже такой болевой точке, как подбрюшье Российской Федерации – её постоянно испытывающей серьёзные финансовые затруднения нечерноземной

полосе) практически всё время из средств далеко не резинового союзного бюджета, а не был оккупирован, по современной трактовке западных русофобов, «злобными и коварными русскими», высасывающими из угро-финских «льщарей» все соки. На деле же, только вдумайтесь, пребывавших в статусе любимчиков, а не угнетённых, как ныне любят трубить проамериканские марионеточные правители этих отколовшихся, крохотных, псевдосуверенных государств и требующих отступного (сатисфакции) в многомиллиардном долларовом исчислении.

Опустошив содержимое своих кошельков, включая мизерную командировочную мзду, облегчённо вздохнув и на минутку присев перед дальней дорогой, спешно отбыли на «Седьмой континент» в свой «Четвёртый угол Ойкумены». На нашенький, ни с чем несравнимый, родной восток. Туда, где в республике Казахстан पहले-первых восходит солнце и наступает утро нового дня. Восклицательный знак!

«...Где родился там и пригодился». На такой вот мажорной ноте я постараюсь-таки завершить эти свои миникроки. Ну, а чтобы у дотошного и, более чем уверен, благодарного читателя не оставалось по их поводу каких-либо, могущих возникнуть в процессе поглощения столь обильной информации, вопросов и недомолвок, – постараюсь их предварить. Начну, с взятого мной в качестве эпиграфа, кредо уважаемого Плиния, гласящего «...ни дня без строчки», ставшего, в сложившихся обстоятельствах, и моим девизом. Вот уже третий год, как я отлучён от кино. Тендеры по госзакупкам творческой видеопродукции проводятся весьма и весьма своеобразно, если не сказать – одиозно, и выиграть их, далёким от бизнеса чужакам, вроде меня, практически невозможно. Это обстоятельство и подвигло вашего покорного слугу взяться за перо. Тем более, что практика у меня в этом плане сложилась богатая. Продолжительная, многоплановая и ответственная работа, поначалу на республиканское телевидение, а затем на всесоюзную программу «Время» в качестве их собственного корреспондента, ну а после развала СССР и образования СНГ – заведующего филиалом Межгосударственной телекомпании «Мир», меня здорово поднатаскала.

И ещё, кое-что из этой многоактной «оперы» – литератору, как понимаете, не надо ни специальной дорогостоящей техники, ни больших денег для осуществления своих, иногда довольно амбициозных замыслов. (Допустим, для начала получить за свои труды праведные Букеровскую там, премию, затем Пулитцеровскую, ну а если уж по большому, гамбургскому счёту, так стать если не Муракамой, то, по крайней мере, хотя бы Нобелевским лауреатом, но, не дай Бог, таким, как свежеиспечённое и явно политизированное белорусское «чудо» – госпожа Алексеевич). Конечно, это лишь плоды воспалённого воображения начинающего графомана, главное же, что в этом высоком, даже божьем, да-да, я не оговорился, именно божьем промысле (речь, как понимаете, идёт о духовной сфере), – необычайное раздолье мыслям.

Так что, вперёд! И пусть, как говаривал кто-то из великих: «...Рука тянется к перу, перо к бумаге». И пусть это желание, это состояние не покидает нас до некоей условной черты. Хочется думать и надеяться, что до ускользающей, недостижимой линии горизонта пока ещё – ой как далеко. Хотя...

Ну, а теперь, небольшая ремарка, точнее программное заявление. Ни для кого не секрет, что в нынешнюю пору сплошной «гаджетизации» печатная журналистика практически сдала свои, ещё совсем недавно незыблемые позиции четвёртой власти, уступив место вездесущим электронным СМИ. Правда, былой силы рупора

КПСС, разящего молниеносно, «аки небесный Громовержец» (вспомните газеты «Правда», «Казахстанская правда» и другие, помельче, «партийные» правды), у глашатаев теперь уже виртуальной информации не наблюдается – один сплошной «пиар». Реальное же влияние на общественные институты в так называемую эпоху рыночных отношений имеют олигархические кланы во главе с их некоронованным идолом по имени «Золотой телец». Этот, увы, свершившийся факт, отбросивший творцов пахнущих свежей типографской краской страниц формата А-1 или А-2, а заодно и любителей их полистать, на задворки истории, со временем, на мой непредвзятый взгляд, заведёт общество, чего там, всю человеческую цивилизацию в тупик. И это не только моё мнение. Не помню, кто, но явно человек мудрый, о данной ситуации выразился довольно кратко: «перелистывающие страницы всегда будут одерживать верх над переключающими кнопки». Газетная и другая типографская продукция, её постоянное потребление – это, согласно авторитетному мнению корифеев печатного слова, – мускулирование мозгов, а вот застой, стагнация же которых, увы, всегда приводила к инсульту и другим печальным последствиям. Поэтому я, более чем солидарен с Маяковским, который ещё в начале XX века декларировал: «...Я хочу, чтоб к штыку приравниали перо!»

Так вот, возвращаясь к основной теме этой моей писанины (назову её, с вашего позволения, «диссертацией»), заверяю вас, что все истории, о которых я подробно поведал в выстраданных, нередко нервно подрагивающих строчках, абсолютно достоверны. Многие из них, в основном, хорошо проиллюстрированы и присутствуют в кинокадрах «Четвёртой охоты». Если же у кого-то возникнет желание воочию убедиться в этом, добро пожаловать в тенета мировой п@утины. Кто-то из моих знакомых утверждал, что как-то в недрах одного из продвинутых сайтов обнаружил развёрнутый анонс про эту мою довольно-таки древнюю ленту. А теперь о великой силе истинных творений искусства и, в частности, о его важнейшем для современного мира подразделе.

Однажды мой старый сотоварищ Гена, со временем перешедший из низшей категории «просто приятелей» в высшую – лучших друзей и именуемый ныне не иначе, как Геннадий Николаевич, тот самый приснопамятный владелец широкополой шляпы, ставшей на ночь прибежищем разнесчастливого «Микки-мауса». Думаю, что наиболее вероятно, из-за схожести с урной, хотя, что тоже нельзя исключать, возможно, и по злему умыслу завистников (соперников) неотразимого «мачо». Знаете, после известного инцидента, развеселившего всю съёмочную группу, наш «амиго» резко перешёл на более компактные головные уборы. Этот «исторический» факт документально подтвержден фото, сделанным в истоках Большой Речки во время рабочего момента съёмок одного из эпизодов «Охоты» сыном Лухтанова.

Извините за небольшое отступление. На чём же я остановился? А-а, да. Так вот, продолжу, вернее повторюсь. Итак, мой, в то время ещё просто приятель, подвизавшийся после окончания пединститута не в какой-нибудь заштатной, образовательной школе, а, бр-р, уму непостижимо, в колонии строго режима, где в должности литературного гуру сеял во все тяжкие «разумное, доброе вечное» неразумным «хазарам» (это были, в основном, отмороженные сидельцы зоны), как-то предложил мне провести для своих ущербных ученичков благотворительную, так сказать, акцию в формате развернутой лекции и, по её ходу, попытаться убедить этот криминальный контингент, которому, как известно, всё давно до лампочки, что

кино – это не какая-то там «хренотень», развлекаловка, а важнейшее из искусств. А в подтверждение ленинского тезиса, не теряющего своей актуальности и в наши дни полуразвитого капитализма, прокрутить «Четвёртую охоту», в съёмках которой он, Геннадий Благодородный, тогда ещё просто «мачо», самолично участвовал.

Вот это идеяка, вот это да! Когда ещё представится возможность попробовать свои силы в подобном, экзотическом экстриме. Опуститься, по определению главного пролетарского писателя, на самое дно человеческого падения. Хотя, как гласит народная мудрость, не надо зарекаться ни от сумы, ни от тюрьмы.

Встреча, сразу скажу, проходила ни шатко, ни валко. По окончании её разговорной части я попросил присутствующих постараться посмотреть ленту с должным вниманием и дать затем соответствующую оценку её достоинствам и недостаткам. Моё предложение было принято этой специфической публикой, только-только вставшей на долгий и непростой путь исправления и, конечно же, ещё очень далёкой от таких основополагающих христианских догм (заповедей), «как не убий», «не укради», «если тебя съездят по левой щеке, подставляй правую» и так далее, – «на ура». Показ проходил довольно эмоционально. Какой-то «зек»-холерик во время одного из криминальных кровавых эпизодов, изобилующих в «Охоте», в котором длиннохвостый и зубастый «scasikauda», вцепившись мертвой хваткой в легкомысленную стрекозу, всё красное лето пропевшую, не удосужившись даже оглянуться, рвёт её на части, – даже инстинктивно привскочил с места, за что тут же был и наказан бдительным «вертухаем» хлётским ударом антенны по спине.

Наверное, не резон повторяться, но, да простит меня подуставший читатель, я еще раз убедился и вынужден констатировать, что тезис, в котором классик утверждал, что «...красота спасёт мир», и который в нынешних реалиях подвергается остракизму, для духовно здоровой части мирового сообщества и сегодня не потерял своей непреходящей значимости.

Жаль, что третье тысячелетие ознаменовалось активным наступлением тёмных, непродуктивных сил. Идёт повсеместная девальвация и деструктуризация исторически сложившихся общечеловеческих ценностей мировой культуры. Мораль подменяется выгодой, – нравственные устои, некой, весьма спорной целесообразностью. Рушится, выработанный веками, институт брака. Чего стоят принятые и узаконенные отдельными странами просвещённой старушки Европы брачные союзы (узы), между однополыми особями и, в этой связи, введена такая идиотская формула, иначе и назвать-то её язык не поворачивается, как родитель №1 и родитель №2. Ни пап тебе, ни мам. Но это уже совершенно другая история...

Я же, следуя совету мудрого старца Плиния, буду пока неуклонно гнуть его линию – «Nulla dies sine linea», искренне веря, что печатное слово является для самовыражения не менее действенным, чем кинокадры «важнейшего из искусств», которому я посвятил всю свою сознательную жизнь и к которому, даст Бог, ещё вернусь. Как писал на излете своей многотрудной и яркой стези Габриель Маркес – «...каждый хочет жить на вершине горы, не догадываясь, что истинное счастье ожидает на спуске». Человек, он, увы, и жив-то – благодаря надеждам. К этой, весьма и весьма популярной сентенции, я бы от себя добавил, – речь, конечно же, в первую очередь идёт о человеке целенаправленном, справедливом и сострадательным, – Человеке с большой буквы. Да и существует-то он, живёт интересной и полнокровной жизнью, именно благодаря своей огромной, неуёмной тяге к со-

зиданию, деланию добра. И, без сомнения, большей частью – это именно тот, кто отмечен Богом, кто своё призвание в земной юдоли видит и находит в неутолимой жажде творчества.

Закljučая вот это чересчур уж пространное «моралите», которым, неожиданно даже для меня самого, я вдруг разразился, прошу не судить меня строго ни за него, ни за возможные в изложении пережитого, стилистические ляпы и некоторую перегруженность текста излишними деталями, а заодно и многочисленные цитаты известнейших, знаковых для истории мировой цивилизации мыслителей и истинные перлы глубинного народного словотворчества...

Уверуйте же, что «новое, всегда хорошо забытое старое»! Эта непреложная истина, аксиома, которую для себя я усвоил ещё в молодые годы и которую неплохо бы всем и всегда помнить, так как она, по моему глубокому убеждению, помогает многое понять и осознать в этом, далеко не всегда праведном и безоблачном, донельзя запутанном и непредсказуемом житие нашем. И помните, что, несмотря на все усиливающиеся тенденции рационально-потребительского, прагматичного отношения человеческой цивилизации к окружающему огромному и во многом непознанному и ранимому миру дикой природы, который стал когда-то её, цивилизации, ни больше ни меньше – как золотой колыбелью и являющийся одним из основных, если не единственным, поставщиков материальных благ, – главное её, природы, божественное предназначение – это укрепление людского духа, это катарсис, самоочищение. А когда иные господа-товарищи, многозначительно подмигивая, иронизируют по поводу того, каким образом, мол, ваша, так называемая распрекрасная «красота» будет «спасать» мир – это уже ничто иное, как кощунство.

Всё, абсолютно всё в мироустройстве Вселенной подчиняется законам гармонии, и от этого никуда не уйти. Да и не надо. От добра – добра не ищут. Так что возлюбим же всё непреходяще красивое и гениальное, все высокохудожественные, талантливые произведения народного творчества, искусства, литературы ну и, конечно же, журналистики. И вам воздастся... Аминь!

